

Увидев изменения, произошедшие с Шашэн, Чэнь Хуайань тут же сделал определенные выводы.

Демонический клинок поглотил демоническую кровь, и это позволило его рангу измениться. Например, в самом начале на плашке атрибутов ранг оружия вообще не указывался, теперь же он значился как низший Желтый ранг.

Должно быть, этот Демонический клинок использовал классификацию из четырех стихий — Небо, Земля, Черный и Желтый — в качестве стандарта для повышения уровня. Изменение же, принесенное низшим Желтым рангом, заключалось в том, что лезвие стало намного острее.

По сравнению с этим оставшееся значение демонической силы, равное семи, слегка озадачило Чэнь Хуайаня.

Когда Демонический клинок вонзился прямо в глаз демона-паука, он действительно впитал немного демонической крови, вот только это была вовсе не очищенная квинтэссенция крови.

Демоническая сила усилила его тело, и после того, как он нанес тот ошеломляющий удар, определенно ушло немало очков демонической силы.

Тем не менее, даже сейчас показатель демонической силы все еще составлял семь единиц.

Однако сколько именно силы было изначально после поглощения крови и сколько ушло на применение техники — из-за чрезмерного напряжения во время боя он совершенно за этим не следил, так что узнать было не у кого.

Поэтому механику работы демонической силы еще предстоит постепенно изучить и постичь в будущих сражениях.

Больше всего Чэнь Хуайаня обрадовали те изменения, которые принесла с собой демоническая эссенция.

Без всяких преувеличений, нынешняя Шашэн превратилась в смертоносный клинок, источающий яд.

Свойства этой демонической техники были примерно схожи с зачарованием оружия в играх, только вот оставалось неясным, каков же был этот эффект отравления на практике.

Впрочем, по мнению Чэнь Хуайаня, если этот яд заставит хотя бы почувствовать себя плохо тех демонических тварей, что равны по силе пауку, и замедлит их движения — это уже чистая прибыль, он определенно не останется в убытке!

Остального он и не смел желать, ведь в описании на плашке четко указано, что сила воздействия яда зависит от крепости противника.

Закончив со всем этим, Чэнь Хуайань попытался позвать Цин Сюаня, поскольку хотел кое о чем расспросить его насчет Пагоды Очищения Демонов.

В конце концов, Пагода Очищения Демонов в какой-то степени заменяла ему чит-систему, так что узнать о ней побольше было бы точно не лишним.

Но сколько бы он ни звал, Цин Сюань так и не появился.

Казалось, он был всего лишь проводником, созданным лишь для того, чтобы дать самые базовые объяснения, а во всем остальном Чэнь Хуайаню предстояло разбираться самому!

Что ж, теперь он хотя бы отчасти изучил нрав этого высокомерного духа пагоды.

Но раз уж его собственная сила пока ничтожно мала и ему еще предстоит обращаться к этому духу за помощью, придется пока терпеть его скверный характер.

Раз уж дух пагоды больше не желал с ним общаться, оставаться дальше в маленьком мирке Пагоды Очищения Демонов не имело никакого смысла. К тому же его плотское тело все еще находилось в логове демона-паука, так что лучше было поскорее вернуться.

Мысленно связавшись с Пагодой Очищения Демонов, Чэнь Хуайань постепенно растворился в воздухе.

Сразу после его исчезновения на вершине белоснежной нефритовой платформы медленно проступила бирюзовая призрачная фигура — как раз на том самом месте, где он только что стоял.

Дух неподвижно и отрешенно смотрел на участок земли, где было высажено Священное Древо Демонической Крови. На его лице не было видно никаких эмоций, но весь его облик казался еще более бесплотным и одиноким.

Дух и сознание вернулись из Пагоды Очищения Демонов в тело, и Чэнь Хуайань вновь очутился в логове демона-паука.

С того момента, как он очнулся в этом мире, до разблокировки Пагоды Очищения Демонов, обретения Демонического клинка, выращивания священного дерева и убийства ужасного демона-паука прошло не больше получаса, но все это казалось ему прожитой жизнью в каком-то другом мире.

Большая часть воспоминаний в его голове по-прежнему принадлежала скитаниям по Голубой Звезде. Теперь же, после перемещения в этот мир, кишасший демонами, ему еще предстояло тщательно обдумать свой дальнейший путь.

Впрочем, в памяти прежнего Чэнь Хуайаня он значился обычным молодым стражником уезда Цинъян, у которого в городе жила младшая сестра, младше его на два года.

Что же касается родителей, то Чэнь Хуайань никогда их не видел.

Сколько себя помнил, их с сестрой растил лишь выживший из ума дед. Более того, после нашествия демонов, случившегося, когда ему было тринадцать лет, этот так называемый дед тоже бесследно исчез.

При воспоминании о младшей сестре Чэнь Хуайцзинь сердце Чэнь Хуайаня невольно наполнилось теплом.

Как бы то ни было, сестра в уездном городе оставалась его единственной духовной опорой для выживания в этом мире. Чувства, унаследованные от прежнего владельца тела, не позволяли ему бросить ее ни при каких обстоятельствах.

Раз так, ему непременно нужно навестить в город уезда Цинъян. А уже встретившись с сестрой, они вместе обсудят и решат, как жить дальше.

Однако следом Чэнь Хуайань вспомнил разговор между Чжу Гуем и демоном-пауком: до такого плачевного состояния он скатился исключительно по их милости!

Возможно, к этому был причастен и чиновник Ли, господин Ли, заведующий тюрьмами и наказаниями в уезде Цинъян.

Стоило ему встать у них поперек горла, как они тут же решили преподнести его в жертву демону-пауку, совершенно не заботясь о том, выживет он или нет.

Если он невредимым объявится в городе уезда Цинъян, Чжу Гуй и чиновник Ли, пожалуй, потеряют сон и покой, верно?

Тогда их отношения с ним накалятся до предела, превратившись в смертельную схватку, где в живых останется только кто-то один.

При этой мысли в глазах Чэнь Хуайаня промелькнул острый холодный блеск.

Прожив уже вторую жизнь, характером он обладал вполне определенным.

Он никогда не задира́л других первым и не притеснял их, но если кто-то решал, что об него можно вытирать ноги, и пытался вертеть им как вздумается, Чэнь Хуайань непременно отплатит той же монетой!

Приняв решение, Чэнь Хуайань неспешно подошел к бездыханному телу Государыни Паньсы.

Холодный блеск мелькнул в его руке, и в его ладони оказалась половина заостренной паучьей лапы, покрытой сложными фиолетовыми узорами.

Он был уверен, что для знающих толк в деле людей эта лапа будет более чем узнаваемой.

Приведя в порядок одежду, изорванную в недавнем бою, Чэнь Хуайань оторвал полоску ткани и привязал огромную паучью лапу к спине.

Окинув взглядом окрестности: перед тем как он расправился с паучихой, все остальные живые люди в пещере уже стали пищей для демона.

Возможно, он остался единственным выжившим...

Не колеблясь больше ни секунды, Чэнь Хуайань шагнул из каменного грота и направился к выходу из логова.

Следуя воспоминаниям, Чэнь Хуайань шел по единственной дороге, ведущей обратно в уездный город. По пути ему не встретилось ни единой души.

Пройдя какое-то расстояние, он заметил, как небо заволокло сумерками — наступил вечер.

С детства выросший в уезде Цинъян, Чэнь Хуайань крепко усвоил одну истину: никогда не следует ходить по ночам в диких местах.

Все потому, что в землях, не укрытых благовониями храмов и не защищенных духами предков человеческого рода, с закатом солнца наступал час разгула демонов, духов и нечисти.

Ходили слухи, что в ночное время силы людей слабеют сильнее всего, а под покровом крошечной тьмы таится великий ужас, противостоять которому человечество абсолютно не способно.

По этой причине даже «Стражи Истребления Демонов» — элитные бойцы Государства Тан, славящиеся сильнейшими мастерами боевых искусств — никогда не рисковали путешествовать в темноте. Что уж говорить о Чэнь Хуайане, находившемся всего лишь на Стадии Закалки Тела.

Отсюда до города уезда Цинъян даже быстрым шагом требовалось идти не менее двух часов, так что успеть вернуться до заката солнца уже не представлялось возможным.

К тому же, по суровым законам уездного города, с наступлением темноты городские ворота наглухо запирались, полностью запрещая кому бы то ни было входить или выходить.

Даже если бы уездный начальник еще не вернулся, это правило оставалось незыблемым — таковы были железные законы Государства Тан.

Менее чем в ли впереди должна была находиться деревня, судя по памяти, звавшаяся Деревней Маленького Е.

Уезд Цинъян раскинулся на огромных пространствах и располагался в гористой холмистой местности. Помимо центрального уездного города, здесь насчитывались сотни и тысячи деревень и горных селений, и в каждом людском поселении обязательно возвышалась статуя золотого божества древних человеческих мудрецов.

Каким бы грубым ни было это изваяние, в пределах сияния его священного света ночной ужас был бессилен причинить людям вред.

Раз так, у Чэнь Хуайаня не оставалось другого выбора, кроме как переждать ночь у храма мудрецов в Деревне Маленького Е.

Пройдя еще несколько сотен метров, Чэнь Хуайань наконец добрался до Деревни Маленького Е.

В прежние времена при свете заходящего солнца над деревней неизменно поднимались бы тонкие струйки дыма от очагов.

В домах сельчан уже зажигались бы огни в ожидании ужина.

Но сегодняшняя Деревня Маленького Е выглядела пои́на странно...

<http://bllate.org/book/21071/2141443>